

НАША ИСТОРИЯ

«Жизнь каждого человека назидательна» о монахини Тамаре (Яковлевой)

24 декабря мы вспоминаем отошедшую в этот день ко Господу монахиню Тамару – Татьяну Яковлевну Яковлеву. Одну из старейших прихожанок нашего храма. Об этой удивительной русской женщине читателям «Приходского вестника» рассказывает её духовник игумен Вадим (Рындюк) и её близкая родственница раба Божия Ольга.

Игумен Вадим: Татьяна Яковлевна, мать Тамара – мало рассказывала о себе. Не то, чтобы замкнутая была – не любила празднословить. Она очень мало говорила! Сидела все время и слушала. Лишь два-три слова скажет. Если даже что-то спросишь у нее, она никогда не говорила пространными фразами. Суть самую ответит – и все. Делом всегда показывала себя. Трудолюбием и отношением к своему делу. А мы её и не спрашивали о жизни. Для нас было достаточно того, что мы с ней общаемся в настоящем времени. Может быть, это упущение было – потому что жизнь каждого человека назидательна.

Ольга: Родилась она в деревне Чихачи Торопецкого района Тверской области. Татьяна Яковлевна вспоминала детство очень редко. Я что-то знаю о её детстве и молодости по рассказам родственников и подруг. Когда она была маленькая, девочки ходили на посиделки. Брали с собой прялки, собирались в избушке у какой-то Анютки и пряли шерсть при лучине. Лучше всех прядла тётя Татьяны Яковлевны – «нянька Сашка» (она нянчила Татьяну). У этой Сашки шерстяная ниточка получалась такая тонюсенькая, как торговая. А у Татьяны не получалось. Нянька Сашка начинает на неё ругаться: «Руки не теплые, погляди, тут нитка неровная, нитка неровная!». А Таня отвечает: «Мне это не надо». И до конца жизни Татьяна Яковлевна рукоделием не занималась, даже вязать не умела. Говорила: «Мне легче кастрюльку вымыть, чем связать». Рукодельничать, шить – это было не ее. Зато на кухне чистота идеальная, порядок – чтобы всё лежало на своих местах и никак иначе. Такая была черта характера.

Родители Яков и Анна, сестра Мария и брат Дмитрий

Родители её – Яков и Анна – были очень бедные. Отец не был крестьянином, он очень любил охоту, а хозяйством мало занимался. Хлеба в семье не всегда хватало, хлеб был в доме драгоценностью. Татьяна пошла в школу; начинали они учиться после Покрова – и до весны. А весной уже надо было кросны ткать, лапти плести и все прочее – чтобы поехать в Питер, все это продать и иметь хоть какую-то копеечку, на которую можно было бы купить что-то необходимое из одежды, обуви и из еды.

После начальной школы пришлось начать работать. Уже в девять лет она работала нянкой в Пустоши (это 90 километров от их деревни). Ее старшая сестра, тетя Маша (у них была разница в 2 года), уехала работать в Питер. Когда Тане исполнилось 16 лет, Маша забрала ее к себе. Тетя Маша работала в буфете, а Татьяну сначала пристроила посудомойкой в столовую. Там она стала присматриваться: как готовят, что готовят. В Питере Татьяна закончила шесть классов школы – такое у нее и было образование.

Незадолго до войны, буквально за несколько месяцев, она поехала в деревню к родителям. Ей нужна была помощь, а денег, конечно, не было ни у матери, ни у отца. Мать дала ей мешок муки. Этот мешок их в блокадном Ленинграде и спас. Её и соседей. Кормила всех! Соседка приходит, говорит: «Тань, дай моему Ваньке, Митьке – пожалуйста, ложечку мучицы – болтушечку сделаю, накормлю, он хоть не голодный умрет». На коленях стояли перед ней. Представляете, в голодном Ленинграде – люди сами голодные, от себя отрывали последнее и давали другому человеку, даже умирающему.

Она работала в войну на макаронной фабрике. И она спасала себя и других тем, что... Сейчас за это уже никто не посадит, можно рассказать. Когда была возможность, они обмазывались на фабрике мукой. Приходили домой, брали чистую тряпочку и вот эту мучицу с себя соскабливали. И варили болтушку! В последние годы она уже об этом рассказывала – видя, как мы небрежно относимся к хлебу. Кстати, удостоверение блокадницы Ленинграда она получила только в 93-м году, ей было уже 75 лет. Потому что в Подмосковье и Москве не признавали блокадников Ленинграда, им не было никаких льгот. Я ее уговорила, мы с сыном её умоляли, чтобы она съездила и сделала эту бумажку. Она поехала в архив, нашла какую-то справку, что она работала на фабрике.

Вывезли их из блокадного Ленинграда с тетей Машей в город Коростень на Украине. Они были очень изможденные, голодные, попали под бомбежку, еле-еле спаслись. Но их тепло встретили люди, и самое главное, что можно было хоть что-то поесть. Даже трава – и та была едой в то время. Во время войны в деревнях ели лебеду, ели крапиву, хлеб был из лебеды. Мололи её, еще какие-то травы добавляли, мяту или что-то еще – это был хлеб. Так выживали в войну.

Вывезли их из блокадного Ленинграда с тетей Машей в город Коростень на Украине. Они были очень изможденные, голодные, попали под бомбежку, еле-еле спаслись. Но их тепло встретили люди, и самое главное, что можно было хоть что-то поесть. Даже трава – и та была едой в то время. Во время войны в деревнях ели лебеду, ели крапиву, хлеб был из лебеды. Мололи её, еще какие-то травы добавляли, мяту или что-то еще – это был хлеб. Так выживали в войну.

Потом она встретила мужа – Ивана Ильича; родился сын Вовка в 1950 году. Вскоре Иван Ильич приехал в Кокошкино. Он строил наш клуб, работал прорабом. Ему здесь дали комнату в бараке. Барак был почти на том месте, где сейчас территория храма. И году в 53-м или 54-м он забрал Татьяну с Вовкой к себе. С тех пор она и жила в Кокошкино. Потом они построили себе двухкомнатную кооперативную квартиру на улице Школьной.

С сыном в городе Коростень

Возле барака (современная территория храмового комплекса)

Она устроилась работать в Лесной Городок поваром в санаторий. Потом перешла в ресторан, в аэропорт Внуково, и с тех пор все время там работала. Готовила Никите Сергеевичу Хрущеву, (она рассказывала: «Никитка мне руку жал!»). Готовила Брежневу, когда они приезжали со всей свитой. Была заведующей цехом холодных закусок, прекрасно готовила заливные. Работа была сменная, тяжелая. А вышла на пенсию – и больше уже не работала. Тут, как раз, и внук появился. Но сказать, что на пенсии она сидела дома – нет, её дома никогда не было. Когда случилась трагедия в доме, погиб трагически ее сын в 1990 году – она очень страдала, молилась, просила всех молиться. Ездил в монастыри, когда была возможность. В первые годы ее дома-то даже и не было, она все время ездила. Мы с ней ездили в храм, чаще в Преображенский храм в Переделкино (не забывая, конечно, и о Большом Свинорье).

Внука Никиту она любила, конечно, безумно. Наставляла его ходить в храм и быть порядочным, честным человеком. И бабушка для него была *большим* авторитетом, чем я. Она могла его и шлепнуть, могла сказать: «Я сказала, что не пойдешь – значит, не пойдешь». Однажды ночью они с ребятами сидели и хохотали на скамеечке возле АТСки – она вышла, клюкой ему дала и погнала домой. А он сидел с ребятами и со своей девушкой. И встал. И пошел домой. Это было в натуре Татьяны Яковлевны. И так же она единственная спустилась, когда нашего прихожанина избивали. Мать его потом ходила и благодарила Татьяну Яковлевну. Спустилась в ночной рубашке с клюкой и разогнала всех. Она не боялась уже ничего. Человек прошел через такие испытания... Что такое блокада Ленинграда? Не все взрослые даже сейчас понимают, что это был за ужас.

Характер у неё был сложнейший, очень тяжелый. Всего не буду рассказывать, я невестка! Муж, Иван Ильич, слушался ее во всем. Таня сказала – закон. Закон был и для Вовки, и для Никиты. Если она сказала, что мы едем сегодня на кладбище – значит, едем... Сослуживцы тоже говорили, что характер был тяжелый. Но работник она была великолепный.

Игумен Вадим: Познакомились мы с Татьяной Яковлевной в 1988-м году – в год юбилея крещения Руси. Я был направлен из Троице-Сергиевой Лавры служить в переделкинский храм Преображения Господня (он тогда был подворьем Лавры). В то время этот был один действующий храм на всю округу. Особенно много приезжало верующих из Кокошкино, среди них была и Татьяна Яковлевна. А познакомились мы с ней на бытовом уровне. Она повар по специальности, приготавливала очень вкусные выпечки. В праздники, когда она считала нужным, она так утешала нашу братию переделкинскую – привозила, угощала пирогами и другими сладостями. Так мы ближе познакомились с ней, раз за разом встречались. Потом она стала приходить на исповедь – пожелала, чтобы я духовно кормил ее.

Ольга: Отца Вадима она любила, как родного сына. Перед Пасхой к нам приезжали все детки отца Вадима, на соборование у нас в доме. Еще в те времена, когда это не было не так просто, в конце 80-х. Она всех у себя принимала – радушно встретит, наготовит. Мы всё мыли, готовили квартиру к этому приему. Потом мы с Володей бежали на работу, гостей она уже встречала без нас. Она прекрасно готовила, это все знали, поэтому все с удовольствием съезжались. Поест, поговорить в неофициальной обстановке – чтобы батюшка мог спокойно себя вести, без напряжения. На жен мироносиц она собирала гостей постоянно, на некоторые другие праздники...

Игумен Вадим: Она любила, чтоб была семья духовная, чтобы собирались, духовно близкие люди. Она всех приглашала несколько раз в году и устраивала нам праздничный стол. Были дни, когда мы совершали богослужения в ее квартире. Соборование ежегодно, панихиды. Было всегда так молитвенно, тепло. Трапеза была приготовлена очень искусно, с любовью. То, что ей даровано было от Бога, она все это воплощала в приготовление пищи. Эти застолья нужны были не только для того, чтобы утешить себя какой-то пищей праздничной.

Хотя она умела, конечно, готовить, очень искусно и красиво. Важно было духовно пообщаться – мы же так все разъединены, где мы еще можем вот так собраться вместе? В этом общении она почти никогда ничего не говорила, но очень внимательно слушала. Слушала, что говорит батюшка, что говорят сестры, кто задает какой вопрос, как на этот вопрос отвечают. Такие у нее были пронзительные глаза, взгляд – она как будто тебя изучала, видела насквозь. Нередко она давала точные определения личности, не осуждая, конечно (в ее тоне осуждения не было) но она умела различать людей, видеть их добрые качества и отрицательные качества. Такой у нее был дар от Бога.

Ольга: А когда отца Вадима назначили настоятелем Пафнутьев-Боровского монастыря, он забрал её. И она там долгое время готовила. Никита там даже зимние каникулы проводил, ему отец Вадим разрешал бегать по крепостным стенам. Когда я туда в первый раз приехала, оттуда еще техникум не уехал, еще общежитие было – они только собирались съезжать. А службы уже шли, кухня уже работала, потому что там были и послушники, и простые прихожане, которые приходили помогать – а кормить нужно было всех. С Божьей помощью начала готовить. Все время она была с отцом Вадимом, сопровождала его везде и всюду.

Игумен Вадим: Конечно, человек очень трудолюбивый. И очень преданный человек. Я знаю по себе. Когда она стала духовным чадом моим, то она всегда эту преданность показывала. Куда Бог не определял меня – где быть, служить, трудиться – она всегда следовала за мной. И помогала, как могла. В первую очередь по специальности, она умела готовить. Наверное, это одна из самых главных сторон жизни – человеку нужно в трудных условиях, чтобы была пища приготовлена. Так, например, в Боровске, когда было у меня послушание– восстановление Пафнутьев-Боровского монастыря – она с другими сестрами туда приехала за мной. Конечно, там не жила, жила у себя дома. В какие-то дни она приезжала, помогала готовить братии пищу. Потом я на время возвращался служить в Троице-Сергиеву Лавру. Она приезжала в Лавру регулярно (не часто, но очень регулярно). Преодолевала такой путь, уже в возрасте. Для нее это не было каким-то препятствием, это была радость – приехать к своему духовному отцу. Она в три часа утра вставала: пока по Киевской железной дороге проедет, потом метро в городе, потом сядет на электричку до Сергиева Посада. Это же очень тяжелый труд, настоящее паломничество! Человек преодолевал, невзирая на свой возраст. Она очень радовалась богослужению в Троице-Сергиевой Лавре, и Преподобному Сергию. Восхищалась всегда пению братии, умиление у нее было в душе. Говорит: «Побуду в Лавре, побываю на богослужении, послушаю такое молитвенно-торжественное пение, никогда я не слышала такого! Такой заряд духовной жизни на очень долгое время!». Интересный человек она была.

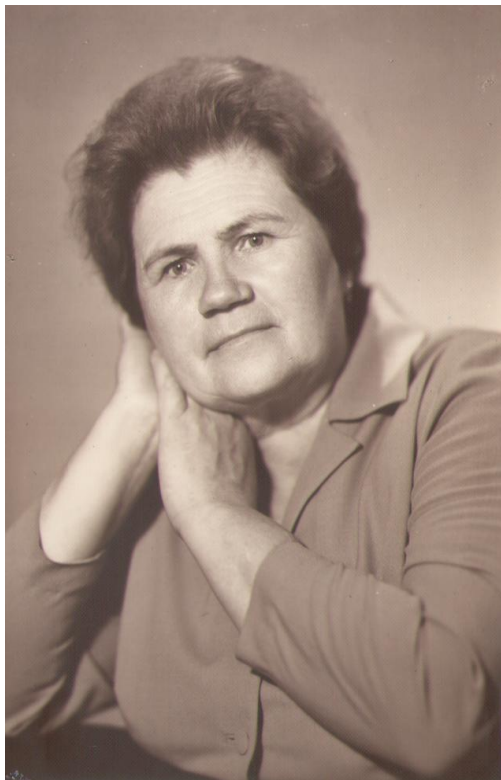
Ольга: Батюшек она воспринимала, как своих сыновей, они все ее очень любили. Она жаловалась отцу Владимиру, настоятелю Преображенского храма в Переделкино: «Батюшка, что же такое, я не могу на службе постоять!», – а он отвечал: «Мать, твое послушание здесь! Молись и готовь». Готовила она там частенько, а ей было уже далеко за 80 лет. Я хочу сказать, что с Татьяной Дмитриевной, которая там распорядилась, я очень часто ссорилась – говорила ей, что нельзя заставлять человека в таком возрасте так долго работать. После этой работы Татьяна Яковлевна всё время оказывалась либо в нашей больнице, либо в Селятино. Получалось, что, либо она до Рождества лежала в больнице (мы ее на Рождество привозили домой), либо после Пасхи ложилась. И она там была до преклонного возраста, кормила батюшек, готовила; старалась сделать вкусно, красиво и добросовестно. Вот это было ее послушание. Она говорила: «Так получается, что даже в глубокой старости я работаю на износ».

Игумен Вадим: Несмотря на то, что она была очень сильная, волевая женщина, но все-таки в жизни все бывает... случалось так, что обижали ее, уже в преклонном возрасте. Приглашали готовить в переделкинский храм на какие-то праздники; там была хозяйственница, Татьяна. Не будем о ней говорить сейчас – мы говорим лишь о том, как мать Тамара переносила ее выходки. Она капризная была, неуравновешенная. Приглашала мать Тамару в какой-то праздничный день что-то приготовить и очень хорошо к ней относилась – но были моменты, когда она ее очень сильно обижала, просто до слез. Чуть ли не рукоприкладством там занималась. Другой бы

человек обиделся и больше не общался бы с ней. А мать Тамара нет – поплачет, поскорбит – а потом опять приходила, трудилась, не показывала того, что кто-то ее обидел, никому не жаловалась. Так иногда вскользь что-то скажет, и то с улыбкой. Знаете, это не каждый человек может так реагировать на то, что ему неприятно. Кто-то отвечает тем же, повышает голос – но от нее никогда я не слышал, чтобы она где-то повысила на кого-то голос. Даже когда она трудилась с другими сестрами на кухне, в Боровском монастыре. Всегда спокойно скажет, но очень строго – все-таки человек она была строгий. Она была строга к себе, ответственно относилась к любому делу и все-таки хотела видеть это и от других. Когда не видела этого – печалилась как-то немножко. Как же человек не понимает, делает не так, как надо... или, допустим, несправедливо кого-то обижают, оскорбляют, внутренне она очень переживала и за того человека, которого обижают, и за того, который обижает. В этой ситуации всех жалко. Павел, патриарх Сербский, очень интересную мысль в своих беседах сообщает: «Видишь, один бьет другого с такой жестокостью. Жалко и того, кого бьют, жалко и этого, потому что он находится в заблуждении...» Вот так подвижники понимали все и нам оставили такое духовное наследие, как нам относиться ко злу и к тем, кто это зло творит. Можно сказать, что мать Тамара понимала это. Она улыбалась по-детски своему обидчику. Такая улыбка была. На лице ее, конечно, была и доброта в глазах, и в то же время какая-то скорбь от этой жизни тяжелой, которую она прошла. Конечно, она в Боге вся была, и умерла в Боге.

Ольга: У них в деревне была единственная Церковь на всю округу, которую не закрывали. Вся деревня ходила в церковь, и Татьяна Яковлевна в детстве ходила. А в Питере вступила в Комсомол. Она как-то мне сказала: «Ты знаешь, а я-то молодая была, даже в комсомол вступала!» Я говорю: «На тебя-то это не похоже! Ты и сама говоришь, что всегда ходила в Церковь». А она: «Ну и что? Одно другому не мешало. Надо было всем вступать, и я тоже вступала». Сказала, что время такое было. Я говорю: «И как же нянька Сашка отнеслась?» Говорит: «Она меня хлестала прутьями!» Вот такая – в комсомоле была и Богу молилась.

Игумен Вадим: Перенесла на своем жизненном пути она очень много скорбей. И военное лихолетье, и муж скончался у нее – опора семейная, потом убили сына. Она очень мужественно все переносила. От этих скорбей она, конечно, стала ближе к Богу. Может быть, вера у нее и была какая-то детская, привитая от родителей – но сознательной церковной жизнью она начала жить уже в зрелые годы.

Нужно сказать немного об атмосфере переделкинского храма и о прихожанах кокошкинских. В этом храме служили, в основном, монашествующие; атмосфера была монастырская. И среди прихожан в 80-е и 90-е годы было немало тайных монахинь. Тех, которые общались ещё со старшим поколением священнослужителей – насельников Троице-Сергиевой Лавры, пропитывались их духом. Поскольку монастырей в те годы не было, их тайно постригали – вели, духовно воспитывали в монашеском направлении.

Можно сказать, что тогдашнее Кокошкино было похоже на тайный монастырь – там жили многие монахини, на требы туда приходилось приезжать на целый день. И Татьяна Яковлевна, общаясь с ними, тоже пропиталась этим духом, и изъявила желание принять монашество. На ее просьбу я откликнулся, и решение было принято. Но уже не о тайном постриге, так как у меня был знакомый владыка Марк (теперешний митрополит Вятский). По его благословению я совершил в ее квартире постриг, и назвал ее в честь Тамары, благоверной царицы грузинской. Обычно в монашестве подбирают имя на первую букву мирского имени, такая традиция есть. Вот она была Татьяна в миру, а стала Тамара.

Желание ее принять монашество – было не только какой-то традицией (или кто-то там ей посоветовал из сестер кокошкинских). Она все-таки сама решила пойти на этот подвиг, никто ей не предлагал, никто не уговаривал. Была такая внутренняя потребность, оставшуюся жизнь посвятить Богу и подвигу, в подвиге этом посвятить себя Богу. По-видимому, уже душа ее требовала, просила большего молитвенного подвига.

Ольга: Однажды она сказала, что станет монахиней. Сидела на кухне в халатике, пила чай и говорит: «Я не знаю, как вы к этому относитесь – но мне все равно – отец Вадим меня благословил стать монахиней». Я помню, как мы с Никитой стоим в дверном проеме и говорим: «Мать, это твое дело... Бабуль, мы же в это не вмешиваемся». Мы-то ей вообще ничего не могли сказать, это ее личное желание было. В 2003-м году она приняла постриг.

В день пострига

Игумен Вадим: Уже в возрасте, когда ей было далеко за 80 лет – промыслом Божиим меня перевели в храм в Толстопальцево (до этого у меня тоже было послушание, командировка в Хабаровск). Когда я ей позвонил и об этом объявил, то она сказала: «Я очень молилась!» Она не любила себя хвалить, и тем не менее, здесь она подчеркнула – наверное, она очень усердно молилась об этом! Здесь я был рядом, она могла общаться. Она говорила: «Батюшка, вечером я буду в Кокошкино молиться, а причащаться я должна к Вам приехать». Считала, что если человек имеет духовного отца, то он должен с ним общаться и с ним молиться вместе, чтобы ощущать духовное единство. Тем более, причащаться. И вот я служил рядом, но в ее возрасте уже было не так просто добираться – прямого транспорта не было. С палочкой, бывало, идет, преодолевает трудности этой дороги – но все-таки она приезжала довольно часто, нужно

отметить ее усердие. Она не мыслила того, чтобы просто общаться с духовным отцом, как с обычным знакомым священником. Часто сейчас так бывает в общении, что есть батюшка знакомый – «здравствуйте-до свидания», улыбаются, какие-то вопросы жизненные решают.

Она этого не принимала своим сердцем, у нее желание было – настоящего общения, духовного, глубокого. Тогда только она получала удовлетворение и только так она понимала связь духовного чада со своим духовным отцом. Конечно, в последнее время, когда она уже не могла ходить в храм, мы старались по возможности приезжать, причащать ее, соборовать. Уже перед самой кончиной, мы, все мои духовные чада, собрались около нее в доме, поддерживали, подкрепляли ее.

Ольга: Я всегда ей говорила, ещё когда она работала во Внуково: «Мам, ты работаешь на износ!» Что такое повар? Чаны большие – значит их и мыть, и поднимать! Не было никаких носильщиков, никого, только руки.

В преклонном возрасте здоровья уже не было никакого, мы из больницы не вылезали: Кокошкино, Апрелевка, Селятино – это были проторенные дорожки. Посты она все всё равно соблюдала, хотя пост соблюдать при ее диагнозах, при ее диабете – это было очень сложно. Потом уже, когда ей лет 85 было, она в больнице, в Селятино, сказала мне: «Купи курицу, свари мне бульон и привези, – отец Вадим разрешил. Он сказал, что даже в монастырях ослабленным разрешали это». В последние годы я уже ей варила, в больницу привозила в термосе.

Человек железной воли. Уже старая, уже, казалось бы, сил нету, но ведь все службы посещала, которые были. Сколько было переломов на этой почве! В Загорск поехала – руку сломала, в Переделкино готовила – ногу сломала, мы ее три дня разыскивали! Переломов она пережила очень много, потому что кости были ослабленные, так как и возраст, и тяжелая жизнь, и тяжелая работа.

Игумен Вадим: Во время исповеди я часто удивляюсь тому, как мирские люди тонко переживают грех свой, даже малый грех. Мы, священнослужители, как-то привыкли к святине. Миряне немножко дальше стоят от святого алтаря, но им, наверное, Богом дано ощущать святину, иметь к ней особое благоговение. Можно сказать о том, что мы, священники, учимся у мирских людей. Я не говорю за всех, лично я по своему опыту до сих пор учусь у мирян. Может, где-то я легковесно к чему-то отнесся, без внимания особого – а смотрите, как человек в каком-то проявлении своей духовной жизни так его переживает, так кается, так понимает это все... Просто удивляешься, как Бог дает каждому человеку Свои дары. Как Он хочет, тому Он хочет, взирая на сердце человеческое, в первую очередь. Это нам виделось и у матушки Тамары. Особенно по ее исповеди, когда она вспоминала свои грехи: детские, юности, молодости. Она за них переживала, оплакивала их. Знала, что снова нам не дано жизнь прожить, и она это очень болезненно ощущала. Когда она вспоминала, что в молодости и детстве я это опускала, не делала – у нее, конечно, была потребность что-то восполнить, загладить этот грех. В первую очередь, признанием этого греха. Когда человек признает грех, то он уже другим будет давать противоположный совет, чтобы они этот грех не повторяли. А во-вторых, это ее подвигало на какой-то внутренний подвиг. Она старалась восполнить то, что не было сделано ею когда-то, на каком-то отрезке жизни. Были у нее какие-то пожелания в строгости поста, молитвы, других подвигов. Я ее останавливал, объяснял ей, что не весь смысл христианской жизни в видимых телесных подвигах. Аскеза нужна, воздержание нужно, но все умеренно, учитывая и возраст, и состояние здоровья, и обстоятельства – чтобы это не мешало самому главному в духовной жизни, чтобы от этого не слабело тело. Тело – это наш конь. Если мы сидим на коне, а у него не будет силы нас везти дальше, то мы не сможем двигаться. Она понимала, как могла. Были даны ей определенные правила монашеские. Ты вот так делай и молись, для тебя этого достаточно. А большой подвиг заключается в смирении. Это самое главное, смирение – считать себя хуже всех

уметь смиряться перед другими. Я думаю, что в некоторых случаях у нее это получалось (я уже об этом говорил), она следовала этому. Главная добродетель – смирение, она все восполнит – и те подвиги телесные, которые мы не можем понести по каким-то обстоятельствам или по состоянию здоровья.

Наша духовная связь с матерью Тамарой – это молитва за нее. Часто очень мы, собираясь вместе, вспоминаем о ней, вспоминаем наше совместное общение, некоторые случаи из жизни. Назидательные случаи. Вот мать Тамара так говорила, мать Тамара так делала – память о ней осталась, крепкая, теплая, родная. Мы духовно сроднились. Порой живут люди рядом – а мы и не знаем, сколько они могут нам принести пользы и назидания. Больше, наверное, сказать нечего о ней. Чем человек выше по жизни своей духовной, тем меньше о нем находишь, что говорить.

